

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Алисултанова Д. М., Абдурахманова П. Д.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет» (367020, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57), e-mail: pasihat@list.ru

В настоящей статье впервые описываются глагольные признаки имен действия в современном кумыкском языке. Грамматические признаки переходности-непереходности и залога являются признаками глагольности имен действия, однако этих признаков достаточно для того, чтобы отнести имена действия к системе глагола, так как основной лексико-грамматический признак глагола – выражение действия или процесса, состояния и признака по действию функционально выражается переходностью-непереходностью и залогом. Однако помимо названных базовых категориальных признаков в кумыкских именах действия представлены и такие глагольные признаки как аспектуальность (виды и способы глагольного действия), время и общие с глаголом валентностные свойства. Имена действия в отличие от финитных форм глагола нейтральны по отношению к категории наклонения. В кумыкском языке в отличие от некоторых тюркских языков в системе именных форм глагола не представлена категория отрицания.

Ключевые слова: глагол, имя существительное, именные формы глагола, грамматическая форма, грамматическое значение, грамматическая категория, кумыкский язык, тюркские языки, субстантивная форма глагола.

VERBAL FEATURES OF NOMINA ACTIONIS IN THE KUMYK LANGUAGE

Alisultanova J. M., Abdurahmanova P. D.

Dagestan State pedagogical University, Russia, Makhachkala (367020, str. Yaragskogo, 57, Republic Dagestan), e-mail: pasihat@list.ru

The verbal signs of the nominaactionis in the modern Kumyk language are for the first time described in this article. The grammatical category of transitivity-intransitivity and the voice are the verbal features of nominaactionis, and this is quite enough to correlate them with verbs as the main lexical and grammatical verbal attribute – the expression of action, processes, condition, etc. – is also expressed by the category of transitivity-intransitivity and the voice. But besides basic categorial features named, Kumyknominaactionis also represent such verbal features as aspectuality (the forms and the methods of the verbal action), tenses and common with the verbs valency properties. Nominaactionis as opposed to the finite verbal forms are neutral for the category of mood. And in contradistinction from some Turkic languages the category of negation is not represented in the Kumyk language in the system of verbal name forms.

Keywords: verb, noun, verbal name forms, grammatical form, grammatical meaning, grammatical category, the Kumyk language, Turkic languages, substantive form of verbs.

Введение. Проблема разграничения основных лексико-грамматических классов слов, прежде всего, имени и глагола, относится к числу центральных проблем грамматической теории языка. Актуальна она в свете проблемы межкатегориального словопроизводства, так как имеет отношение к различным её аспектам – собственно словообразованию, лексике, грамматике, семантике [4, с. 31]. Однако проблема частеречного взаимодействия в процессах словоизменения и словопроизводства в кумыкском языкознании еще не ставилась, что и определяет актуальность данного исследования. До сих пор не определен фондовый уровень имен действия в кумыкском языке, их глагольные и именные признаки, функционально-семантические признаки.

Целью исследования является выявление глагольных признаков имен действия в современном кумыкском языке.

Результаты исследования и их обсуждение. Особенностью имён действия является противоречие их понятийной основы и включающего её лексико-грамматического класса: такие существительные не отвечают по своей семантике главному ономаσιологическому признаку предметности. В этом отношении отглагольные имена действия обладают всеми частными грамматическими значениями существительных, имеют морфемный состав, характерный для названной части речи, выполняют синтаксические функции существительных, но они репрезентируют специфическое категориальное значение и обусловленную им валентность.

Языковая семантика отглагольных существительных («опредмеченное действие», «действие в виде предмета») синкретична: в их категориальном значении выделяется два существенных компонента: предметность и процессуальность. Компонент предметности в семантике отглагольных существительных обуславливает их сочетаемость с согласуемыми формами прилагательных, местоимений, порядковых числительных, причастий, а глагольный компонент предопределяет управляемую форму зависимого слова. Имена действия, «выйдя» из глагола, но сохраняя частично его грамматические признаки и само значение действия, оказываются внутренне противоречивым подклассом имени существительного, занимая как бы промежуточное положение между именем существительным и глаголом.

Разграничение именных и глагольных форм зависит от установления основного классификационного признака глагола как части речи. Наиболее универсальными глагольными признаками являются переходность-непереходность и категория залога. Все остальные собственно глагольные признаки (наклонение, лицо, аспект, время) не являются универсальными, т.е. не распространяются на весь глагол в широком понимании данного термина. Собственно глагольные признаки, такие как лицо, время, оказываются избыточными даже в системе личных форм в функционально-семантической реализации и в структурно-синтаксической организации предложения.

Кумыкские имена действия на *-макъ* и *-ыв* обладают наименьшей вербальностью по сравнению с другими неличными формами глагола (например, причастными и деепричастными). Грамматические признаки переходности-непереходности и залог являются единственными признаками глагольности имен действия, однако этих признаков достаточно для того, чтобы отнести имена действия к системе глагола, так как основной лексико-грамматический признак глагола – выражение действия или процесса, состояния и признака по действию функционально выражается переходностью-непереходностью и залогом. Если принять тезис о том, что исторически глаголы не различали переходности-непереходности, т.е. каждый глагол в предложении мог употребляться и в переходном и в непереходном значении, то значение данного признака как классификационного для глагола еще более

возрастает. В современных тюркских языках сохранился ряд глаголов, которые употребляются в предложении и в переходном, и в непереходном значении. Например, в кумыкском языке такими являются глаголы *къара* – «смотреть» (*китап къарамакъ* «смотреть, читать книгу» – *къыз къаратмакъ* «выбирать девушку»), *ур* – «бить» (*къоян урмакъ* «убить зайца» – *яшгъа урма* «не бей ребенка»), *юр* – «ходить» (*ёлданюрюмек* «ходить по дороге», *ёлюрюмек* «доходить путь») и др.

Глаголы *къара* – «смотреть», *ур* – «бить», *мин* – «сесть», *юрю* – «ходить» в современном кумыкском языке являются непереходными, вследствие чего сочетания типа: *китап къаратма* – «смотреть, читать книгу», *ат минме* – «оседлать коня», *къоянурма* – «убить зайца», *ёл юрюме* – «пройти путь» перешли в разряд устойчивых грамматикализованных оборотов. Этот глагольный признак мы обнаружили и в именных формах кумыкского глагола. Ср. *гёз къарав* – «ожидание» и *гёзге къарав* – «смотреть в глаз», *ёл юрюв* – «прохождение пути» и *ёлдан юрюв* – «хождение по дороге» и др.

Для кумыкского языка характерны устойчивые грамматикализованные сочетания, первая часть которых состоит из имени действия на *-ыв*, а вторая часть – из спрягаемого глагола (обычно в форме настоящего времени) той же основы. Такие сочетания можно образовывать практически от любого глагола, независимо от того, является он переходным или непереходным: *гелив геле* – «быстро идет», *чабыв чаба* – «быстро бежит», *урув ура* – «сильно бьет», *тутув тутду* – «быстро схватил» и т.д. Приведенные формы употребляются преимущественно в разговорной речи и передают интенсивность действия, т. е. являются одним из способов выражения аспектуальной семантики.

Следует обратить внимание на падежную форму имени действия на *-ыв*. В сочетаниях типа – *гелив геле* имя действия *гелив* – «приход» не стоит в именительном падеже, ибо имеется в виду *ол гелив геле* – «он быстро идет», где подлежащим является *ол* «он». В таком случае остается предполагать, что *гелив* стоит в форме немаркированного винительного падежа, а *геле* с исторической точки зрения имеет переходное значение. Отмеченные особенности переходности и непереходности имеют прямое отношение к установлению природы имен действия, а именно к вопросу о степени вербальности именных форм и о соотношении именных и глагольных признаков имен действия в историческом плане.

В татарском языке в подобных сочетаниях имя действия оформляется аффиксом винительного падежа. Ср. кум.: *гелив геле* – «быстро идет» – тат.: *килуен килде* – «прийти-то он пришел...»; кум.: *айтыв айтды* – «быстро сказал» – тат.: *эйтен эйтте* «сказать-то он сказал...». Как видно, в кумыкском и татарском языках приведенные примеры имеют разные значения. Возможно, они в этих языках имеют разное происхождение и не сопоставимы в грамматическом плане, однако сама возможность употребления формы винительного паде-

жа имени действия на *-ыв* при непереходных в современном языке глаголах заслуживают особого внимания [5, с. 11].

Другие глагольные признаки имен действия (кроме значений переходности-непереходности и залога) являются вторичными и обусловлены основным глагольным признаком. Такими глагольными признаками имен действия являются аспектальный признак, способность управлять именем существительным, сочетаемость с обстоятельственными терминантами.

В системе имен действия представлены те же типы аспектальных форм, что и в системе личных форм глагола. Так, аспектальную семантику внезапности, мгновенности действия именные формы глагола репрезентируют при помощи вспомогательного глагола *йибер* – «отпустить»: *урув* «битие» – *уруп йиберив* «битие (внезапное)», *алыв* «взятие» – *алып йиберив* – «взятие (быстрое, внезапное)».

Аспектальное значение неожиданности действия выражается именными формами глагола так же как и личными формами при помощи аспектального показателя *кьал* – «остаться»: *гел* – «приход» – *гелипкьалыв* «неожиданный приход», *гет* – «уход» – *гетипкьалыв* «уход (неожиданный)» и др.

Кумыкский глагол обладает грамматической категорией аспекта. «Категория аспекта в исследуемом языке имеет диаграмматическую мотивацию: глагольные формы с нулевым аспектным показателем противопоставляются словоформам с грамматическим показателем *тур-*» [2, с. 47]. Оформление аспектального значения «длительности/многократности – точечности/разовости» при помощи модификатора аспектальной семантики *тур* – распространяется и на именные формы глагола: *гелив* «приход» – *гелип турув* «приход (многократный, постоянный)», *сэйлев* «разговор» – *сэйлеп турув* «разговор (долгий)» и др.

Приступ к действию, начальный фазис действия, обладающей определенной длительностью, выражается именем действия на *-ыв* и модификатором *башла-*, репрезентирующим «начало и продолжение действия с оттенком интенсивности в едином целом, которое не членится на фазисы» [1, с. 102]: *охувбашланды* – «началась учеба», *яшав башлана* – «начинается жизнь», *чачыв башлангъан* – «сев начался» и др.

Особенностью аналитической именной формы *-ыв башла* – является то, что она со вспомогательным глаголом *тур-* может образовать трехэлементную конструкцию: *охувлар башлана тура* – «занятия вот-вот начнутся», *атышыв башланма тура* – «стрельба вот-вот начнется». При этом аспектальное содержание сложновербальной конструкции осложняется оттенком приступа к действию в самом ближайшем будущем.

Другим важным глагольным признаком кумыкских имен действия является способность управлять именем существительным, т.е. выражать объектные отношения, ср.: *шиьру*

охума – «читать стихотворение», *шиъру охув* – «чтение стихотворения», *уйь къурма* – «строить дом», *уйь къуру в* – «строительство дома» и др.

Из валентностных свойств глагола именные формы сохранили способность иметь при себе обстоятельственные детерминанты, выраженные наречиями: *чалт сёйлеме* – «быстро говорить», *чалт сёйлев* – «быстрое говорение», *тез гетме* – «быстро уходить», *тез гетив* – «быстрый уход» и др.

Способность иметь при себе обстоятельственные слова является одним из основных показателей их глагольности. Потеря этой особенности ведет к полной субстантивации имен действия. Этот признак особенно важен в плане различия глагольных имен и имен существительных на *-ыв*. Например, *сёйлев* – «разговор» в сочетании с *чалт сёйлев* – «быстрое говорение» является именем действия. Из имени действия *сёйлев* – «говорение, процесс речи» в результате субстантивации развилось существительное *сёйлев* «речь», например, *ону чыгъын сёйлево* – «его речь, его выступление».

С формами на *-ыв* связан трудный вопрос о различении имен действия и существительных на *-ыв*. Многие формы на *-ыв* омонимичны, они употребляются и как имена действия, и как имена существительные. Трудность усиливается еще и тем, что указанные формы обладают близкой семантикой. Например, форма на *-ыв* от *чач-* «сеять», «разбрасывать» употребляется и как имя действия и как имя существительное: *чачыв* – «процесс засеивания», *чачыв* – «сев», «посев», *яшав* – «проживание» и «жизнь», *ятыв* – «лежание» и «постель», *айтыв* – «говорение» и «пословица», *ябушув* – «процесс борьбы» и «борьба».

В случаях типа *айтыв* – «говорение» и «пословица», *языв* – «написание» и «судьба», *ятыв* – «лежание» и «постель» имена действия и имена существительные определяются по значению, так как указанные формы семантически дифференцировались. Более трудны случаи типа *чачыв* – «засевание» и «сев», *ябушув* – «процесс борьбы» и «борьба». В таких случаях различительным признаком является категория залога и управление падежами. Например, слово *ябушув* в системе залоговых форм *ябушув* – *ябушудурув* является именем действия, в значении же «борьба» (*тутушуп ябушув* «вольная борьба») данное слово не имеет залогового значения; *чачыв* в сочетании *чачывбашиланды* «начался сев» является именем существительным, а в сочетании *акъчаны чачыв* «разбрасывание денег» – именем действия.

Однако в кумыкском языке существует и ряд однозначных форм на *-ыв*, которые употребляются только как имена действия. Глагольное значение таких имен действия проявляется при их сопоставлении с однокоренными именами существительными на *-ыв* и *-ыш*: *билив* «узнавание» (имя действия) – *билим* «знание» (имя существительное), *къурув* «процесс постройки», «процесс организации» – *къурум* «организация», *гелив* «приход» – *гелим* «доход». Парные слова от форм на *-ыв* употребляются как имена существительные: *сатыв-алыв*

– «купля-продажа», *гелив-гетив* – «приход-уход», «хождение», *охув-языв* – «грамота», *ятив-ябыв* – «постельные принадлежности».

Что касается категории времени в субстантивных формах глагола, необходимо указать на разную степень представленности данной категории в именных формах глагола. Так, имена действия на *-макъ*, *-ыв*, *-ыш* просто называют «опредмеченные» действия (*гелив* – «приход»), тогда как формы «причастие + *-лыкъ*» сигнализируют о факте совершения действия в прошлом, настоящем или будущем (*гелегенлик* – «приход (в настоящем)», *гелгенлик* – «приход» (в прошлом), *гележеклик* – «приход» (в будущем)). Таким образом, у говорящего имеется выбор двух разновидностей действий, состояний – локализованных во времени и нелокализованных во времени.

В кумыкских именах действия не представлена категория отрицания, в отличие от других тюркских языков, например, башкирского [3, с. 322].

В некоторых тюркских языках имена действия нейтральны по отношению к лицу [3, с. 323]. Этого нельзя сказать о кумыкских именах действия, так как некоторые именные формы глагола, например форма на *-макъ*, в кумыкском языке принимают показатели лица: *бармагъым* – «мой уход», *бармагъынг* – «твой уход», *бармагъы* – «его уход» и т.д.

Заключение. Проблема межкатегориального соотношения глагола и имени приводит к актуальной в современной лингвистике проблеме – номинализации действия. Глагол является базовым, первичным способом обозначения действий, состояний, процессов, имена действия – вторичны. Анализ материала показывает, что глагол участвует в номинализации действия во всём многообразии своих грамматических характеристик – свойственной ему специфической системой грамматических категорий, набором общих грамматических значений и сферой сочетаемости. При этом в каждом конкретном случае он выступает лишь в определённом наборе этих признаков. Поэтому без учёта того, что наследует существительное у мотивирующего глагола, невозможно правильно описать структурно-семантическую и функциональную природу имен действия в кумыкском языке.

Список литературы

1. Гаджихмедов Н. Э. Грамматические категории имени и глагола в кумыкском языке. – Махачкала, 2000. – С. 102.
2. Гаджихмедов Н. Э. Еще раз о видах тюркского глагола // Советская тюркология. – 1986. – № 5. – С. 47.
3. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1980.
4. Мирошникова З. А. Проблемы семантики и функционирования имён действия в системе

языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – С. 31.

5. Хангишиев Дж. М. Именные формы глагола в кумыкском языке в сравнительном освещении. – Махачкала, 1997. – С. 11.

Рецензенты:

Махмудова С. М., д. филол. н., профессор, заведующая кафедрой дагестанских языков
ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

Магомедова П. М., д. филол. н., профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.